

незаконной деятельности один из цехов завода был переоборудован в целях выпуска игристого вина, но с этикетками «Советское шампанское». Технологии изготовления игристого вина и шампанского различаются по продолжительности, сложности и цене. Данные действия, с нашей точки зрения, также должны квалифицироваться не по ст. 171, а по ст. 159 УК РФ.

В целом можно констатировать, что вопросы квалификации незаконного предпринимательства в российском уголовном праве в настоящее время не решены. В значительной степени это связано с тем обстоятельством, что диспозиция незаконного предпринимательства имеет бланкетный характер.

СУРДОПЕРЕВОДЧИК В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА: ОСОБЕННОСТИ СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ С УЧАСТИЕМ ЛИЦ С НАРУШЕНИЯМИ ФУНКЦИИ СЛУХА

Кузнецов О. Ю.,
Московский пограничный институт
ФСБ России, к. и. н.

В современной России насчитывается около 13 млн. людей, страдающих различными функциональными нарушениями органов слуха и речи, которые при этом не лишаются общегражданской дееспособности и способны в повседневной жизни реализовывать полный спектр прав, гарантированных Конституцией РФ всем гражданам нашей страны. Они каждый день вступают в разного рода правоотношения: заключают сделки, участвуют в трудовой деятельности, время от времени принимают участие в процедурах судопроизводства в разном процессуальном качестве. В последнем случае глухие, немые, глухонемые и слабослышащие люди выступают как специальные субъекты процессуальных правоотношений, не способные в полном объеме самостоятельно, без посторонней помощи реализовать установленные законом права участника судопроизводства. Более того, подобная физиологическая дисфункция индивида как бы противоречит универсальному принципу всех отраслей отечественного процессуального права — принципу языка судопроизводства (ст. 12 АПК РФ, ст. 9 ГПК РФ, ст. 18 УПК РФ, ст. 24.2 КоАП РФ). Поэтому в подсистеме процессуального права предусмотрен специальный юридический механизм, направленный на интеграцию людей с нарушенной функцией слуха или речи в процедуры отправления правосудия, позволяющий адаптировать физические возможности функционально ограниченного человека к содержанию процессуальной деятельности. В судопроизводстве,

впрочем, как и в других видах публичной (социальной) коммуникации, для этой цели служит сурдоперевод.

Абсолютно все кодифицированные источники отраслей отечественного процессуального права определяют сурдоперевод, то есть понимание содержания мимической, знаковой или жестовой речи глухого, немого или глухонемого человека и изложение ее смысла на русском языке как языке судопроизводства, а также как составную часть, а в отдельных случаях — как равноправный вид переводческой деятельности в системе процессуальных правоотношений, если такое лицо оказывается их участником. Точнее, не используя этого понятия прямо, они вводят его в правоприменительную практику посредством определения юридического статуса персонифицированного носителя этого знания или умения — сурдопереводчика, правовое положение которого в той или иной мере определяется ч. 1 ст. 25.10 КоАП РФ, ч. 6 ст. 59 УПК РФ, ч. 7 ст. 57 АПК РФ, ч. 6 ст. 162 ГПК РФ. При этом всегда процессуальный статус сурдопереводчика напрямую увязывается с общепроцессуальным статусом переводчика как обособленно детерминированного субъекта разбирательства по арбитражному, гражданскому, уголовному делу или делу об административном правонарушении. Однако первые три из указанных выше норм, текстуально повторяя друг друга, определяют, что «правила настоящей статьи распространяются на лицо, владеющее навыками сурдоперевода» (ч. 6 ст. 162 ГПК РФ) или «правила настоящей статьи распространяются на лицо, владеющее навыками сурдоперевода и приглашенное ... для участия в производстве по ... делу» (ч. 6 ст. 59 УПК РФ, ч. 7 ст. 57 АПК РФ), тогда как в КоАП РФ (ч. 1 ст. 25.10) тождественность понятий «переводчик» и «сурдопереводчик» законодательно закреплена при определении правосубъектности данной категории участников производства по делу: «В качестве переводчика может быть привлечено любое не заинтересованное в исходе дела совершеннолетнее лицо, владеющее языками или навыками сурдоперевода (понимающее знаки глухого или немого), необходимыми для перевода или сурдоперевода при производстве об административном правонарушении».

Как мы видим, в системе процессуальных правоотношений сурдоперевод законодательно определяется как разновидность

(подвид) переводческой деятельности, а сам субъективный носитель этого умения, то есть сурдопереводчик, рассматривается пусть как обособленная, но, тем не менее, имманентная ипостась переводчика как самостоятельного и самодостаточного субъекта судопроизводства. Вместе с тем нельзя не отметить следующего обстоятельства: нигде более, кроме перечисленных выше норм права, специфика участия именно сурдопереводчика в разбирательстве по делу законодательно не учитывается и не предусматривается, хотя методологическая и методическая разница в лингвистическом переводе и сурдопереводе весьма велика (не говоря уже о принципах и технике), что объективно может оказать свое влияние на законность и результаты процессуальной деятельности в принципе. Более того, кроме указанных норм, рассматриваемые нами понятия «сурдопереводчик» или «сурдоперевод» в текстах отраслевых процессуальных законов не встречаются больше нигде ни разу, что позволяет нам говорить о недостаточной урегулированности статуса и деятельности сурдопереводчика при его участии в разбирательстве по делам различной отраслевой принадлежности. А поэтому, как представляется, необходимо выявить и сформулировать имманентные черты правосубъектности именно сурдопереводчика, которые отличали бы его не только от прочих участников разбирательства по делу, но и от его коллеги — лингвистического переводчика, а также отражали бы специфику именно сурдоперевода при производстве отдельных процессуальных действий.

Безусловно, общие черты правосубъектности сурдопереводчика во многом тождественны аналогичным характеристикам правового статуса его коллеги-лингвиста, которые мы неоднократно определяли и указывали в своих многочисленных публикациях, посвященных проблематике письменного и синхронного перевода и участия переводчика при отправлении правосудия по различным категориям дел, а поэтому нет смысла здесь детерминировать их вновь. Полагаем, будет вполне достаточно лишь перечислить основные из них по каждой составляющей правосубъектности переводчика, дополнив их специфическими имманентными чертами, присущими именно статусности сурдопереводчика.

Итак, как мы уже неоднократно писали, фундаментальными чертами правоспособности переводчика являются:

- процессуальная самостоятельность и независимость;
- субъективная незаинтересованность в исходе дела;
- общегражданская дееспособность;
- билингвизм, то есть свободное владение одновременно русским языком как языком судопроизводства и делопроизводства в правоохранительных органах и родным языком участника процесса как языком перевода.

Очевидно, что в рассматриваемом нами случае последний критерий абсолютно неприменим и должен быть заменен на свободное владение сурдопереводом, т. е. сурдопереводчик не только должен знать и уметь понимать знаки речи глухого, немого или глухонемого человека, но и иметь устойчивый навык их интерпретации в собственной устной и письменной речи. Таким образом, как мы видим, правоспособность переводчика-лингвиста и сурдопереводчика коррелирует по трем признакам из четырех, что позволяет с позиций законов математического анализа считать их явлениями одного порядка.

Однако выявляемое при сравнении содержания элементов правосубъектности переводчика-лингвиста и сурдопереводчика отличие является достаточным для того, чтобы их процессуальные дееспособности в корне отличались друг от друга. Не требует доказательства тот факт, что совершеннолетнее и лично не заинтересованное в исходе дела лицо в рамках процессуальной деятельности способно выполнять функции сурдопереводчика только в том случае, когда оно способно не только осуществлять сурдоперевод вообще, но и осуществить его в отношении конкретного участника разбирательства по делу. Однако судьи, прокурорские и следственные работники, дознаватели различных правоохранительных органов объективно не в состоянии адекватно оценить, насколько лицо, назначенное ими к участию в разбирательстве по конкретному делу, способно и способно ли вообще качественно исполнить возлагаемые на него процессуальные функции по организации сурдокоммуникации, поскольку они, естественно, такими знаниями не располагают. Поэтому особую актуальность приобретает вопрос определения и закрепления в практике правоохранительной деятельности неких формализованных критериев (реперов), позволяющих с большой степенью объективности говорить о том, что тот или иной человек

может быть сурдопереводчиком по конкретному делу. Их использование, на наш взгляд, реально повысит эффективность кадрового отбора, будет способствовать формированию обобщенной системы квалификационных требований к кандидатам на роль сурдопереводчика, что, в свою очередь, в целом повысит общую правовую культуру и повысит эффективность деятельности отечественной судебной системы.

В современной России сурдоперевод является разновидностью дипломированной профессиональной деятельности, право на осуществление которой предоставляет государственный диплом о среднем профессиональном образовании по специальности 0207 «Организация сурдокоммуникации», государственный образовательный стандарт которой утвержден приказом Министерства образования РФ от 2 июля 2001 г. № 2572¹. Данный документ содержит квалификационные требования к уровню знаний, умений и навыков дипломированных сурдопереводчиков, которых он еще именуется переводчиками-дактилологами.

Указанный государственный образовательный стандарт определяет содержание коммуникативной деятельности переводчика как совокупность определенного круга действий, для совершения которых он был обучен и подготовлен, которая включает в себя:

- обеспечение лиц с нарушением слуха необходимой информацией посредством сурдоперевода;
- организацию социального общения незлышащих;
- обучение жестовой речи лиц, нуждающихся в межличностном и социальном общении с глухими (позднооглохшие, родители глухих, педагогические работники, производственный персонал и др.);
- совершенствование коммуникативных навыков лиц с нарушением слуха.

Согласно этому же нормативному документу каждый сурдопереводчик (переводчик-дактилолог) должен быть готов:

¹ См.: Государственный образовательный стандарт среднего профессионального образования. Государственные требования к минимуму содержания и уровню подготовки выпускников по специальности 0207 «Организация сурдокоммуникации» (базовый уровень среднего профессионального образования). — М.: ИПР СПО, 2002.

- к осуществлению калькирующего перевода на основе нормативных жестов речевой информации, аудиозаписей, массовых мероприятий и др.;
- к общению с глухими на базе разговорного жестового языка;
- к выполнению коммуникативной, организационно-управленческой, организационно-практической деятельности в сфере социального обслуживания лиц с нарушением слуха в соответствии с квалификационной характеристикой.

По сути, нормативные предписания государственного образовательного стандарта требуют от сурдопереводчика свободного владения сразу двумя системами общения, принятыми в среде лиц с нарушениями функции слуха, — жестомимической речью и дактильной, или так называемой «ручной» азбукой. Первую из этих систем государственный образовательный стандарт именуется «разговорным жестовым языком», а вторую — переводом «на основе нормативных жестов». Главное отличие между ними заключается в том, что в жестомимической речи каждый жест рук и лица говорящего, а также их комбинации представляют собой совершенно конкретный образ-символ, олицетворяющий какой-либо определенный предмет, явление или процесс, тогда как использование дактильной азбуки, по сути, является передачей текстовой информации по принципу «азбуки Морзе» или морского флажкового семафора, когда каждый жест руки человека с нарушением функции слуха или сурдопереводчика обозначает соответствующую букву русского алфавита². Переводчик-дактилог, освоивший обе эти системы сурдокоммуникации, получает диплом о среднем профессиональном образовании, который для органов суда, следствия, дознания должен являться основным формальным критерием возможности допуска его владельца к участию в отправлении правосудия в качестве сурдопереводчика. Фактически, формальным основанием возникновения у него процессуальной дееспособности является наличие документа об образовании.

² См.: Гейльман И. Ф. Ручная азбука и речевые жесты глухонемых. — М.: Просвещение, 1857. С. 7, 9 и др.

Вместе с тем следует знать, что в системе отечественного профессионального образования навыкам сурдоперевода целенаправленно обучаются не только одни переводчики-дактитологи. Аналогичные знания, но уже в рамках освоения образовательных программ высшего профессионального образования, получают лица, обучающиеся с 2005 г. по специальности 050713 «Сурдопедагогика», а до этого времени — по специальностям 540612 «Педагогика» профиль «Образование лиц с нарушением слуха» и 031600 «Сурдопедагогика» профиль «Обучение и воспитание детей с нарушением слуха в общеобразовательных учреждениях». Выпускникам этих специальностей, которые были утверждены приказом Министерства образования РФ № 686 от 2 марта 2000 г., в 2000–2005 гг. присваивались квалификации «бакалавр (магистр) педагогики» или «учитель-сурдопедагог», а с 2005 г. — только «учитель-сурдопедагог»³, которые по уровню своей профессиональной подготовки и умению организовать сурдоперевод, естественно, ничем не уступают переводчикам-дактилогам со средним профессиональным образованием. Как и в случае с последними, процессуальная дееспособность у сурдопедагога быть сурдопереводчиком при назначении его к участию в процессе того или иного вида подтверждается наличием диплома о высшем профессиональном образовании.

К сожалению, в современной России участие в отправлении правосудия сурдопереводчика с профильным профессиональным образованием является скорее эталонным образцом, но никак не повседневной практикой: по данным Всероссийского общества глухих (ВОГ), о которых упоминают многие отечественные интернет-ресурсы, в нашей стране на 1000 людей с нарушениями функции слуха приходится всего 3 сурдопедагога и сурдопереводчика, тогда как в странах Евросоюза этот показатель на два порядка выше. В этих условиях основная нагрузка по обеспечению глухих и слабослышащих людей сурдокоммуникативной

³ См.: Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Государственные требования к минимуму содержания и уровню подготовки выпускников по специальности 050713 «Сурдопедагогика» (уровень подготовки — специалист). — М., СПб: Златоуст, 2005.

помощью, в т.ч. и в общении с правоохранительными органами, объективно ложится на плечи региональных отделений ВОГ и их учреждений. Именно они, как показывает практика, повсеместно и являются победителями конкурсов (нередко — за неимением реальных конкурентов) на получение финансирования за счет средств федерального бюджета деятельности по оказанию услуг по сурдопереводу в соответствии с постановлением Правительства РФ от 29 сентября 2007 г. № 608⁴. Они же подбирают кадры сурдопереводчиков и для судов, и иных правоохранительных органов, если те испытывают необходимость в их услугах при осуществлении разбирательства по делам разной отраслевой принадлежности. Поэтому зачастую формальным доказательством способности того или иного лица быть сурдопереводчиком в практике отечественного судопроизводства становится документ, исходящий от руководства общественной структуры — регионального отделения ВОГ (ордер, направление), по которому в отсутствие документа о профильном профессиональном образовании соответствующее лицо приобретает статус сурдопереводчика при разбирательстве по конкретному делу.

Справедливости ради следует отметить, что в условиях объективного дефицита квалифицированных кадров сурдопереводчиков и сурдопедагогов ВОГ и территориальные органы социальной защиты пытаются восполнить недостаток соответствующих кадров через систему профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации в создаваемых ими образовательных учреждениях или дополнительного образования взрослых, или профессиональной подготовки. Так, в структуре отделений ВОГ в Москве и Петербурге созданы межрегиональные учебно-методические центры, а при руководящих органах соцзащиты ряда субъектов России (например, Башкортостана) — региональные учебные центры, в которых по однотипным программам профессиональной подготовки работников органов соцзащиты, родственников людей с нарушениями функций слуха обучают основам сурдокоммуникации. По итогам обучения выпускники курсов получают свидетельство или удостоверение о

⁴ См.: Собрание законодательства Российской Федерации (далее — СЗ РФ). 2007. № 40. Ст. 4798.

профессиональной подготовке по направлению «Сурдоперевод», которое, по сути, является формальным основанием, дающим им право заниматься публичной деятельностью, связанной с общением с глухими и слабослышащими людьми, в т.ч. и оказанием им сурдокоммуникативной помощи или услуг при общении с отечественными судебными и правоохранительными органами. Иными словами, в любом случае у лица, назначаемого судом, органом следствия или дознания к участию в разбирательстве по делу в качестве сурдопереводчика, должен быть какой-либо документ — о специализированном образовании (среднем или высшем профессиональном) или о профессиональной подготовке, — который бы свидетельствовал о наличии у этого лица признаваемого организациями ВОГ и органами социальной защиты права быть организатором сурдокоммуникации публично-характера. Этот документ должен быть предъявлен кандидатом на процессуальную роль сурдопереводчика при отправлении правосудия по конкретному делу непосредственно суду, следователю, дознавателю, факт его наличия должен быть отражен в материалах дела, и, по нашему мнению, только в этом случае можно будет говорить о легитимности участия этого лица в разбирательстве по делу с участием человека с нарушенными функциями слуха. В противном случае законность участия такого лица в отправлении правосудия может быть поставлена под сомнение, а вследствие этого — и исход дела.

Таким образом, дееспособность сурдопереводчика в системе процессуальных правоотношений (в отличие от переводчика-лингвиста) всегда характеризуется выученностью навыков сурдокоммуникации, а не естественным приобретением знаний языка, необходимого для перевода, в ходе субъективной социализации, что в практике деятельности судебных и иных правоохранительных органов требует своего обязательного документационного подтверждения одним из трех способов:

- документом о среднем или высшем профессиональном образовании по специальностям «Организация сурдокоммуникации» или «Сурдопедагогика»;
- документом о профессиональной подготовке по направлению «Сурдоперевод»;
- удостоверяющим документом, выданным каким-либо

региональным отделением или учреждением Всероссийского общества глухих (ВОГ).

Иными словами, источник процессуальной дееспособности переводчика-дактилолога всегда формален и напрямую связан не только с наличием у него соответствующих умений, предоставляющих ему возможность осуществлять сурдоперевод, но и с делегированием ему права от имени сообщества людей с нарушениями функций слуха организовывать публичную сурдокоммуникацию в рамках производства предварительного расследования или при рассмотрении дела в судебном заседании.

Деликтоспособность переводчика-дактилолога полностью тождественна по своему содержанию аналогичной составляющей правосубъектности переводчика-лингвиста: они одинаково несут уголовную ответственность за заведомо неправильный перевод в соответствии со ст. 307 УК РФ, разглашение данных предварительного расследования без разрешения следователя в соответствии со ст. 310 УК РФ, могут быть подвергнуты мерам процессуального принуждения в соответствии со ст. 111 УПК РФ и ст. 168 ГПК РФ, могут быть привлечены к ответственности, предусмотренной иными федеральными законами (например, за разглашение тайны усыновления ребенка, раскрытие коммерческой тайны и иных охраняемых законом сведений, ставших им известными вследствие участия в рассмотрении дела судом).

Завершая сравнительный анализ содержания правосубъектности сурдопереводчика (переводчика-дактилолога) и переводчика-лингвиста, следует сделать вывод о том, что разница между ними предопределена абсолютной несхожестью организуемой ими публичной межличностной коммуникации. Если переводчик-лингвист содействует общению функционально полноценных людей, пусть и говорящих на разных языках, но однотипно и относительно тождественно и адекватно воспринимающих окружающую действительность (за исключением социокультурных и религиозных особенностей конкретных индивидов), то переводчик-дактилолог организует коммуникацию между людьми, воспринимающими мир совершенно по-разному, пусть даже и думающими на одном языке. Например, глухонемые, использующие жестомимическую речь, не могут жестами передать имени и

фамилии участника разбирательства по делу, поскольку в повседневном общении они не называют друг друга по фамилии, имени и отчеству, а подбирают каждому человеку соответствующий жест-образ, обозначающий какую-либо индивидуальную, а поэтому — идентифицирующую особенность: характерную черту лица, прически, походки. Для формального обозначения какого-либо лица люди с нарушенной функцией слуха применяют дактильную азбуку, по буквам «выписывая» его имя. Этот частный пример наглядно иллюстрирует, насколько сурдокоммуникация отличается от межличностного общения функционально здоровых людей, а поэтому ее организация должна учитывать не только разные формы выражения и вербальной передачи информации, как это принято в лингвистическом переводе, но и должна быть направлена на преодоление психологического антагонизма мира слышащих и глухих, а сделать это без специальных знаний в области сурдопсихологии практически невозможно. Иными словами, если лингвистический перевод образованным человеком может быть выполнен довольно-таки качественно «по наитию», то таким же образом — без специальных знаний — сурдоперевод сделан быть не может. Именно поэтому любой сурдопереводчик или лицо, выполняющее его процессуальные функции при разбирательстве по конкретному делу с участием человека с нарушенной функцией слуха, просто обязаны получить какую-то базовую теоретическую подготовку в области общей психологии, сурдопсихологии и организации сурдокоммуникации⁵, что, в свою очередь, должно иметь формальное подтверждение в виде документа о специализированном образовании или профессиональной подготовке. Следовательно, процессуальный статус переводчика-дактилолога в судопроизводстве будет всегда более формализован и документирован по сравнению с правосубъектностью переводчика-лингвиста.

Как показывает практика, социальная база сурдопереводчиков и сурдопедагогов очень узка: ими, как правило, становятся дети неслышащих родителей, родители глухих детей, их кровные братья и сестры, словом, ближайшие родственники людей с

⁵ См.: Дьячков А. И., Гейльман И. Ф. Индивидуальное обучение взрослых глухонемых. — М.: Просвещение, 1966. С. 34–35.

нарушенной функцией слуха. Статистика ВОГ практически не знает случаев, когда представители мира слышащих, ранее никогда непосредственно не сталкивавшиеся с миром глухих, приходили бы работать туда по собственной воле. Поэтому, подбирая кандидатуру на процессуальную роль сурдопереводчика, судья или представитель органа предварительного расследования обязан выяснить, были или есть ли в его семье люди с нарушенной функцией слуха, кто именно, как строится общение между ними, знает ли кандидат дактильную азбуку и насколько хорошо, может ли он совмещать общение с глухим или немым человеком на основе нормативных жестов с синхронным вербальным переводом на язык судопроизводства. И только после выяснения всех этих обстоятельств кандидатура сурдопереводчика может быть признана приемлемой (при наличии рекомендации со стороны организации ВОГ).

Итак, вынесению постановления должностного лица или определения суда о назначении какого-либо субъекта к участию в судопроизводстве по конкретному делу в качестве сурдопереводчика должны предшествовать, на наш взгляд, следующие действия:

- ознакомление с социальным окружением кандидата на процессуальную роль сурдопереводчика;
- получение рекомендации на кандидата от региональной организации ВОГ;
- приобщение к материалам дела копии документа о специализированном профессиональном образовании или профессиональной подготовке.

Значимость участия сурдопереводчика в отправлении правосудия по делам разной отраслевой принадлежности объективно различна: наименьшее влияние на содержание производства по делу он может отказать в арбитражном и гражданском процессах, наибольшее — в уголовном. Очевидно, что при производстве по арбитражным и гражданским делам человек с нарушенной функцией слуха может оградить себя от общения с судом, противоположной стороной судебного спора посредством представителей и законных представителей, которые не будут иметь подобных функциональных расстройств. В административном разбирательстве и в уголовном судопроизводстве глухой или

слабослышащий человек, каким бы процессуальным статусом при производстве по делу он не обладал, объективно будет вынужден столкнуться и взаимодействовать с сотрудниками судебных, правоохранительных, контрольных или административно-надзорных органов лично, не имея возможности «заместить» себя другим лицом. Именно поэтому далее мы обратим особое внимание на специфические моменты участия сурдопереводчика именно в производстве по уголовным делам.

Рассматривать этот вопрос мы предполагаем с позиции создания для сотрудников правоохранительных органов определенного алгоритма действий, связанных с назначением и организацией процессуальной деятельности сурдопереводчика, при расследовании уголовных дел в отношении или при участии лиц с нарушенными функциями слуха. Также мы постараемся выявить и систематизировать наиболее типичные ошибки и тактические просчеты сотрудников органов предварительного расследования, выявленные нами при анализе материалов 50 уголовных дел из двух районных судов г. Тулы, приговоры по которым вступили в законную силу в 2005–2008 гг. (данный выбор обусловлен компактным проживанием глухих и глухонемых людей именно в этих административных единицах областного центра). Из общего числа этих дел в 22 случаях глухие или глухонемые граждане обвинялись в совершении или в соучастии в совершении преступлений, в 26 случаях признавались потерпевшими, и только в 2 случаях проходили свидетелями по делу. Небольшой процент последних объясняется, на наш взгляд, психологическими особенностями межличностного общения людей с нарушенной функцией слуха, о которых мы уже писали выше: они редко знают фамилии и имена друг друга, заменяя их знаками-образами, объективно не способны с помощью языка жестов описать внешний вид оружия или орудия преступления, а поэтому в информативном плане представляют меньшую ценность для органов предварительного расследования нежели люди, способные говорить. По сути, глухие или глухонемые люди привлекались в качестве свидетелей только тогда, когда иных свидетелей преступления выявить не удавалось.

Установление межличностной коммуникации между следователем и лицом с нарушенной функцией слуха посредством

сурдолингвистической помощи только одного переводчика-дактилолога, хотя подобная практика в полной мере соответствует предписаниям норм уголовно-процессуального закона, далеко не всегда дает максимально позитивные результаты. Дело в том, что далеко не все инвалиды по слуху рождаются глухими или глухонемыми: как показывает медицинская статистика, почти у трети инвалидов глухота или немота является «благоприобретенной» в результате черепно-мозговых контузий, шоковых нервных потрясений, тяжелых простудных и вирусных заболеваний, токсических отравлений, постоянно повышенного уровня шума на производстве по месту работы, неправильного применения медицинских препаратов⁶. Зачастую такие люди психологически готовы общаться со следователем напрямую (естественно, если сами не совершили преступление) через письменные ответы на письменные же вопросы, не прибегая к помощи сурдопереводчика, хотя и в его присутствии, как это положено по процессуальному законодательству. Однако ни в одном из изученных дел мы не нашли анамнеза причин происхождения дисфункции слуха или речи у участника разбирательства по делу: следователи, установив личность лица с нарушенной функцией слуха и сопоставив полученные сведения с данными паспортного учета, тем и ограничивались, и ни в одном из 50 случаев не заинтересовались, является ли дисфункция врожденной или приобретенной, слышал и говорил ли человек раньше, умеет ли он писать и читать, готов ли давать показания собственноручно. Хотя сбор подобных данных о личности участника процесса является их прямой обязанностью, что следует из положений норм ч. 4 ст. 164, п. 2 и 8 ч. 1 ст. 220 УПК РФ. Фактически, сотрудники органов предварительного расследования в целом ряде случаев своими же руками осложняли себе задачу по раскрытию преступления и изобличению преступника.

Врожденный характер нарушений функции слуха также зачастую не является препятствием для письменной (литеральной) коммуникации между следователем и глухим или глухонемым участником уголовного процесса. С советских времен в нашей

⁶ См.: Тарасунов Д. И. Глухота // Большая медицинская энциклопедия: В 30-ти т. — М.: Советская энциклопедия, 1976–1980. Т. 6. С. 187.

стране действует сеть специализированных (коррекционных) учреждений дошкольного и общего образования для обучающихся, воспитанников с ограниченными возможностями здоровья, в которых глухие и глухонемые с рождения дети проходят психолого-педагогическую реабилитацию, получают общее и среднее (полное) общее образование (естественно, с учетом своих функциональных возможностей), приобретают профессию, словом, получают полную адаптацию к жизни в социальной среде (таких людей еще называют «выученными» глухонемыми). «Выученные» лица с нарушенной функцией слуха помимо «разговорной» жестомимической речи, усваиваемой ими с детства, хорошо знают дактильную азбуку или «нормативные жестовые знаки» и способны свободно общаться с их помощью, а также письменную речь русского языка. В связи с этим представляется необходимым отметить одно принципиально важное обстоятельство: в России и на всем постсоветском пространстве «выученные» глухонемые люди используют одни и те же «нормативные жестовые знаки» и основные жесты-образы жестомимической речи⁷, а поэтому их национальность и гражданство для организации судопроизводства не имеют принципиального значения для установления сурдокоммуникации, в чем, собственно, заключается еще одна разница в содержании деятельности переводчика-дактилолога и переводчика-лингвиста в уголовном процессе или при производстве об административном правонарушении. С «выученными» людьми с нарушением функции слуха, являющимися участниками разбирательства по уголовному делу, следователь через сурдопереводчика также может установить контакт для последующего использования письменной речи. Однако эта возможность в исследованных нами материалах уголовных дел сотрудниками органов предварительного расследования также была неоднократно упущена, что свидетельствует об их неподготовленности к организации расследования преступлений с участием или в отношении лиц с нарушенной функцией слуха.

Две указанные выше категории инвалидов по слуху по данным статистики органов социальной защиты и ВОГ сегодня

⁷ См.: Гейльман И. Ф. Ручная азбука и речевые жесты глухонемых. — М.: Просвещение, 1857. С. 17–18.

составляют абсолютное большинство (более 90 %) глухих, немых и глухонемых граждан, и лишь незначительная их часть (в основном, лица пенсионного возраста, уроженцы «кризисных» регионов Северного Кавказа, представители ряда малочисленных народов), оказавшаяся по каким-либо причинам за бортом системы коррекционного образования, не обучена дактильной азбуке и письменной речи русского языка. Еще 40–50 лет назад процент лиц с нарушениями функции слуха, не знавших письменной речи русского языка и нормативной жестовой речи глухонемых, был сравнительно высок (до 40–45 %), все они входили в социально активную часть населения страны, а поэтому общение с ними представляло серьезную проблему для сотрудников судебной и правоохранительной систем. Именно в 70-е гг. XX в. были написаны основные работы ученых-криминалистов из МВД СССР, посвященные производству уголовно-процессуальных действий в отношении лиц с нарушенной функцией слуха⁸. Прошло почти столетие, и положение дел в этом сегменте социальных отношений кардинально изменилось в лучшую сторону: например, резко повысился уровень образованности и социальной адаптированности глухонемых и глухих людей, возросла степень их социальной защищенности и обеспеченности, что в целом повлияло на снижение криминогенности этой среды. Сам факт того, что люди с нарушенной функцией слуха сегодня имеют все возможности получить адекватное своему физическому здоровью общее и профессиональное образование (даже в таких престижных вузах, как МВТУ им. Н. Э. Баумана и МГСУ), приобрести достойную профессию, найти

⁸ См., например: *Сиваченко И. П.* Расследование преступления, совершенного глухонемым // Следственная практика. Вып. 53. — М., 1962. С. 116–131; *Саркисянц Г. П.* Переводчик в советском уголовном процессе. — Ташкент: Фан, 1974. С. 67–74; *Кулагин Н. И.* К вопросу о тактике допроса лиц, страдающих физическими недостатками // Вопросы укрепления законности на предварительном следствии. Вып. 13. — Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1976. С. 143–147; *Щерба С. П.* Психологические особенности допроса обвиняемых, страдающих физическими недостатками // Социалистическая законность, 1971. № 4. С. 53–59; *Щерба С. П.* Переводчик глухонемых в уголовном процессе // Советская юстиция. 1979. № 12.

работу и полностью адаптироваться к обществу, объективно снижает уровень преступного поведения как формы социального протеста этой категории граждан, которой в основной ее массе уже практически не свойственна социальная отчужденность и агрессивность, чего нельзя сказать о времени еще двадцати лет назад. Однако в издаваемой сегодня научной литературе уголовного процесса, затрагивающей вопросы участия сурдопереводчика в предварительном расследовании, по-прежнему тиражируются идеи и выводы полувекковой давности, когда глухонемые и глухие люди, по сути, являлись париями советского общества⁹. Фактически, мы можем говорить о том, что за последние полстолетия в этом частном вопросе отечественная наука уголовного процесса не продвинулась ни на шаг.

Такое положение дел не может быть признано удовлетворительным и требует выработки новых теоретических подходов к организации предварительного расследования или совершения отдельных процессуальных действий в отношении или с участием лиц с нарушенной функцией слуха. В постсоветской России сформировался принципиально новый механизм взаимодействия государства и людей с функциональными нарушениями здоровья, что, по нашему мнению, является прямым следствием реализации на практике принципа социального государства, закрепленного в ст. 7 Конституции РФ. К слову, социальная детерминированность подходов к личности участника судопроизводства, которая также должна являться имманентной чертой правосудия по всем отраслям процесса, имеет ту же конституционную природу. А поэтому новый методологический подход к организации предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовным делам с участием лиц с нарушенной функцией слуха как никакой иной должен учитывать требования основополагающих принципов уголовного судопроизводства — принципа уважения чести и достоинства личности (ст. 9 УПК

⁹ См.: *Ширванов А. А.* Существенные нарушения уголовно-процессуального закона как основание возвращения дел для дополнительного расследования. — Тула: Гриф, 1999. С. 126–132; *Щерба С. П.* Переводчик в российском уголовном процессе: Научно-практическое пособие. — М.: Экзамен, 2005. С. 234–285.

РФ) и принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 11 УПК РФ).

Как показало изучение уголовных дел, участникам производства по которым являлись глухонемые граждане, сотрудники органов предварительного расследования, к сожалению, не умеют эффективно использовать в интересах правосудия административный потенциал государства, полагаясь исключительно на возможности органов внутренних дел. Такой подход существенно сужает информативную базу предварительного расследования, не позволяет собрать всеобъемлющих объективных сведений о личности обвиняемого или потерпевшего, как того требует ч. 4 ст. 164, п. 2 и 8 ч. 1 ст. 220 УПК РФ, если таковыми являются лица с нарушенной функцией слуха. Как правило, за подобной информацией следствие или дознание традиционно обращается к участковому уполномоченному милиции по месту жительства соответствующего субъекта процессуальных правоотношений, который обычно ничего конкретного сообщить не может, поскольку глухие и глухонемые люди в силу своей физической дисфункции в контакты с окружающими не вступают и ведут для них довольно-таки закрытый и отстраненный образ жизни. Тем не менее существует несколько способов получить объективную и достоверную информацию о личности участника судопроизводства, нуждающегося в организации сурдолингвистической коммуникации.

Во-первых, абсолютно все глухонемые, глухие, немые и слабослышащие люди в нашей стране являются инвалидами (правда, с разными степенями ограничения к трудовой деятельности). В соответствии с постановлением Правительства РФ «О порядке и условиях признания лица инвалидом» от 20 февраля 2006 г. № 95¹⁰ определение группы инвалидности и степени ограничения к трудовой деятельности возложено на специализированные учреждения здравоохранения — главные бюро медико-социальной экспертизы в субъектах Российской Федерации и бюро медико-социальной экспертизы в городах и административных районах субъектов, являющихся филиалами главных бюро. В архивах главных бюро на каждого инвалида

¹⁰ СЗ РФ. 2006, №95.

составляется учетный документ, который содержит историю жизни человека и развития болезни, сведения о социально-бытовых условиях проживания, перечень адаптивно-профилактических мероприятий, словом, все то, что необходимо следствию для определения тактики проведения расследования в отношении лица с нарушенной функцией слуха.

Во-вторых, каждый такой человек в соответствии с установленной группой инвалидности и степенью ограничения к трудовой деятельности получает от государства пенсионное обеспечение и иные виды социальной поддержки, ответственными за предоставление которых являются территориальные органы социальной защиты населения. В каждом таком муниципальном учреждении по месту жительства инвалида на него составляется пенсионное дело, которое содержит помимо документов медико-социальной экспертизы другие сведения, характеризующие социально-бытовые, жилищно-коммунальные и иные условия жизни конкретного лица с нарушенной функцией слуха, его профессиональную деятельность, о предоставлении ему услуг по сурдопереводу за счет средств федерального бюджета в соответствии с постановлением Правительства РФ от 29 сентября 2007 г. № 608. Таким образом, информация органа социальной защиты дает представление не только о личности глухого или глухонемого субъекта уголовного судопроизводства, но и указывает на сурдопереводчика, с которым он знаком лично и который может знать индивидуальные особенности его жестомимической речи. В идеале именно этот переводчик-дактилолог и должен быть приглашен органом предварительного расследования для организации сурдолингвистической коммуникации с соответствующим субъектом уголовного судопроизводства.

Итак, обратившись с запросом в бюро медико-социальной экспертизы и территориальный орган социальной защиты населения по месту жительства участника производства по делу с нарушенной функцией слуха, следователь и равное ему по процессуальному статусу должностное лицо правоохранительных органов без дополнительных затрат времени и средств вполне могут получить исчерпывающую информацию о личности соответствующего субъекта уголовного судопроизводства, степени и уровне ее социализации — образовании, профессиональной

подготовке, характере и стойкости заболевания, социально-бытовых условиях жизни, возможной трудовой деятельности. Фактически, еще до непосредственного контакта с самим участником разбирательства по делу могут быть выяснены обстоятельства, с одной стороны, характеризующие его личность, а с другой стороны, определяющие тактику производства в отношении его следственных действий с участием сурдопереводчика. В связи с этим следует сделать одно принципиальное, на наш взгляд, замечание: практика высших органов судебной власти нашей страны специально акцентирует внимание должностных лиц органов предварительного расследования на недопустимости производства процессуальных действий в отношении лиц с нарушенной функцией слуха без участия переводчика-дактилолога даже в том случае, когда они свободно понимают письменную речь русского языка, готовы общаться со следствием подобным образом. В частности судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, отменяя в отношении глухонемой Сусловой обвинительный приговор Мещанского межмуниципального суда г. Москвы и прекращая в отношении нее дело за недоказанностью ее участия в совершении преступления, признала, что первоначальные показания обвиняемой не могли быть положены в основу вывода о ее виновности, так как были получены с нарушением закона: ни при допросе в качестве свидетеля, ни при допросе в качестве подозреваемой в нарушение ст. 17 УПК РСФСР Сусловой не был предоставлен переводчик, хотя она просила об этом, так как испытывала затруднения в изложении ответов в письменной форме на письменные вопросы следователя¹¹. Следовательно, мы можем сделать вывод о том, что независимо от тактики построения допроса или иного следственного действия и формы получения ответов у субъекта разбирательства по уголовному делу с нарушенной функцией слуха, присутствие и деятельное участие при его производстве сурдопереводчика в любом случае является обязательным, поскольку оно служит не интересам только стороны обвинения или правосудия в

¹¹ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации по рассмотрению уголовных дел в порядке надзора: дело Сусловой // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 11. С. 17.

целом, а является прямым результатом действия нормы принципа языка уголовного судопроизводства, закрепленной в ч. 2 ст. 18 УПК РФ, гарантирующей лицам, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по уголовному делу, право делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами дела, выступать в суде на родном языке или другом языке, которым они владеют, а также бесплатно пользоваться помощью переводчика...

Использование сурдокоммуникативных услуг переводчика-дактилолога и его участие в производстве процессуального действия непосредственно связаны с правом участников разбирательства по уголовному делу на его отвод как личности, не отвечающей по своим индивидуальным характеристикам предписаниям уголовно-процессуального закона. Переводчик знаков и жестов глухих и немых не может участвовать в производстве по конкретному делу при наличии оснований и обстоятельств, указанных в ст. 61 и 69 УПК РФ, а также в случае обнаружения его субъективной некомпетентности. Тем не менее, нам известны довольно-таки многочисленные случаи (14 из 50 дел, или 28 %), когда для участия в предварительном расследовании приглашались ближайшие родственники субъектов уголовного судопроизводства, а также работники органов социальной защиты населения, способные лишь понимать общий смысл жестомимической речи людей с нарушенной функцией слуха, но не имеющие необходимых навыков и профессиональной подготовки осуществлять обратный перевод, т. е. адекватно интерпретировать содержание показаний глухонемого на русском языке как языке судопроизводства и делопроизводства в правоохранительных органах. Естественно, по мере выяснения подобных обстоятельств данные лица по представлению органов прокуратуры на основании жалоб стороны защиты отводились от участия в разбирательстве по конкретному уголовному делу, что влекло за собой дополнительные затраты ресурсов, времени и сил следователей (дознавателей) в связи с необходимостью повторного производства всех ранее совершенных процессуальных действий с участием нового, более профессионально компетентного сурдопереводчика.

Вопрос об аутентичности сурдоперевода и уровне профессиональной подготовленности переводчика-дактилолога имеет существенное значение для процесса доказывания в рамках разбирательства по конкретному делу. Как известно, в соответствии с п. 1 и 2 ч. 2 ст. 74 показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля могут быть допущены в качестве доказательств по конкретному уголовному делу, но в рассматриваемом нами случае они станут таковыми, если будут переведены на язык судопроизводства, поскольку без этого следователь или иное равное ему по процессуальному статусу должностное лицо правоохранительных органов, равно как и суд, не смогут оценить содержащиеся в них сведения. Однако перевод жестомимической и дактильной речи людей с нарушенной функцией слуха имеет ряд специфических особенностей, в корне отличающих его от лингвистического перевода. В частности, мы уже говорили о том, что для обозначения других людей и себя самих глухие и глухонемые люди используют жесты-образы, а не имена и фамилии. Кроме того, на языке жестов семантически близкие между собой понятия (например, стрелковое оружие, пистолет, револьвер, обрез ружья или винтовка, ружье, автомат) не дифференцируются, а для обозначения группы сходных по внешним признакам и функциональному назначению предметов используется какой-то один жест-символ. Речевые жесты глухонемых и глухих образны и конкретны, и в отличие от вербальной коммуникации не содержат обобщений. Все эти особенности жестового языка лиц с нарушенной функцией слуха объективно препятствуют составлению протокола следственного действия с их участием, поскольку обратный перевод их высказываний на русский язык, осуществленный переводчиком-дактилологом, не всегда может быть до конца аутентичен в силу субъективизма передачи им упомянутых выше лексикологических особенностей построения речи глухонемых и глухих людей. Поэтому, на наш взгляд, данный процессуальный документ должен составляться как бы в два этапа: сначала следователь (дознатель) вслед за сурдопереводчиком составляет «черновой» вариант протокола, который отдается на собственноручную правку участнику разбирательства по уголовному делу с нарушенной функцией слуха, на основании которой изготавливается уже его «чистой»

вариант, каждая страница которого по общему правилу и должна подписываться соответствующим субъектом уголовно-процессуальных правоотношений. И «черновик», и «чистовик» протокола, естественно, должны находиться в материалах дела, но ссылки в обвинительном заключении для удобства стороны защиты и суда должны приводиться, по нашему мнению, на окончательный вариант данного процессуального документа.

Говоря о материальной фиксации результатов труда переводчика-дактилолога в уголовном деле, следует также остановиться несколько подробнее на организации его деятельности в рамках предварительного расследования и условиях, обеспечивающих нормальное осуществление сурдолингвистической коммуникации. В принципе, перечень последних является универсальным и никак не зависит от содержания и назначения уголовного судопроизводства, но без него невозможна нормальная работа сурдопереводчика в этой сфере публичных правоотношений, и, следовательно, знать их должен каждый следственный работник правоохранительных органов. Зная важнейшие оптимальные условия организации сурдолингвистической коммуникации, следователь и иное равное ему по процессуальному статусу должностное лицо обязаны создать их с тем, чтобы избежать жалоб как со стороны переводчика-дактилолога на недопустимые условия работы, так и со стороны защиты, которая сможет настаивать на неадекватности перевода и, следовательно, фиксации показаний участника разбирательства по делу с нарушенной функцией слуха вследствие влияния техногенных факторов, помешавших сурдопереводчику правильно воспринять и интерпретировать смысл показаний. Итак, при допросе участника уголовного судопроизводства с нарушенной функцией слуха должны соблюдаться следующие технические правила:

- *освещенность*: свет средней интенсивности (естественный или искусственный) должен равномерно падать на руки и лицо сурдопереводчика и допрашиваемого субъекта производства по делу, чтобы они могли хорошо видеть артикуляцию, мимику и жесты друг друга, для чего источник света должен располагаться сбоку от них на уровне груди;

- *взаимное расположение участников допроса*: переводчик-дактилолог и соответствующий участник процесса должны

находиться лицом друг напротив друга на расстоянии 1,5–2,5 метра, и их руки ладонями также должны быть направлены друг к другу, чтобы они отчетливо видели движения пальцев (что особо важно при допросе с помощью дактильной азбуки); присутствующие же при производстве процессуального действия следственные и оперативные работники правоохранительных органов должны находиться сбоку сзади переводчика и его клиента напротив источника света, чтобы их движения не воспринимались боковым зрением участников сурдолингвистической коммуникации;

– *постановка вопросов*: учитывая специфику мыслительной деятельности людей с ограниченной функцией слуха, при их допросе следует избегать сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, причастных и деепричастных оборотов, лингвистическая конструкция которых не позволяет точно и быстро переводить их на язык мимики и жестов, а поэтому представляется возможным рекомендовать перед началом следственного действия согласовать формулировки вопросов с сурдопереводчиком в целях их максимальной адаптации к психолингвистическим особенностям глухонемых и глухих людей;

– *организация сурдоперевода специальной терминологии*: сурдоперевод малоупотребимых слов, имен собственных, юридических, медицинских и технических терминов, как правило, осуществляется дважды, при этом слово-образ жестомимической речи должен быть продублирован с помощью дактильной азбуки; вопрос, содержащий подобные лексические единицы, также должен быть повторен, причем повторный вопрос должен выяснять, правильно ли следователь (дознатель) понял первоначальное утверждение участника процесса в контексте применяемого термина;

– *организация допроса в письменной форме*: с согласия соответствующего участника разбирательства по делу и защиты вопросы, задаваемые в письменной форме, должны быть предельно краткими и конкретными, последующий вопрос может задаваться только после получения письменного ответа на предыдущий (как и на устном допросе), при этом в случае возникновения необходимости сурдопереводчик должен разъяснять лицу с нарушенной функцией слуха значение тех или иных слов,

а защитник может после получения ответа посредством переводчика-дактилолога рекомендовать своему подзащитному либо дополнить ответ какими-то новыми обстоятельствами, либо изменить формулировку, либо оставить ее в первоначальном варианте; следователь (дознатель) не имеет права вмешиваться в этот диалог.

Осуществление сурдолингвистической (впрочем, как и интерлингвистической, т. е. межъязыковой) коммуникации в рамках уголовного судопроизводства представляет собой деятельность, требующую особых эмоциональных, интеллектуальных и физических усилий со стороны переводчика. Как показывает практика, через 1,5–2 часа производства процессуального действия у переводчика наступает интеллектуальное, а у сурдопереводчика — еще и физическое утомление, что приводит к ослаблению внимания и, следовательно, резко повышает риск ошибки, особенно при обратном переводе на язык судопроизводства, что впоследствии может стать основанием для исключения соответствующего доказательства в порядке ст. 235 УПК РФ. А поэтому мы считаем необходимым дополнить норму ч. 2 ст. 187 УПК РФ положением о том, что допрос с участием переводчика-лингвиста и переводчика-дактилолога не может продолжаться более двух часов подряд, а саму эту норму изложить в следующей формулировке: «Допрос не может длиться непрерывно более 4 часов, а в случае, если в его производстве участвует переводчик, — более 2 часов». Введение этой новеллы, на наш взгляд, повысит эффективность организации уголовного судопроизводства и будет способствовать дальнейшей гуманизации применения мер уголовной репрессии.

В настоящее время отечественные правоохранительные органы располагают достаточным материальным оснащением для того, чтобы иметь возможность полностью исключить риск ошибки перевода при осуществлении сурдолингвистической коммуникации в процессе производства следственного действия. С этой целью может использоваться видеозапись общения переводчика-дактилолога и субъекта разбирательства по делу с нарушенной функцией слуха, которая при возникновении сомнений в аутентичности передачи смысла мимики и жестов на языке судопроизводства впоследствии может быть использована для проведения

контрольного перевода иным сурдопереводчиком. Применение технических средств фиксации сурдолингвистической коммуникации, как показывает практика, существенно повышает ответственность переводчика за качество осуществляемого им перевода и одновременно исключает возможность давления на него со стороны лица со слуховой дисфункцией, особенно если им является подозреваемый (обвиняемый). Кроме того, наличие в материалах дела видеозаписи исключит возможность для стороны защиты говорить при рассмотрении дела судом о том, что показания, полученные на предварительном расследовании, были неправильно интерпретированы следствием, поскольку будет иметься реальная возможность еще раз расшифровать диалог сурдопереводчика и участника процесса с нарушенной функцией слуха, прибегнув к услугам иного переводчика-дактилолога. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что использование технических средств в целях фиксации сурдолингвистической коммуникации при производстве по конкретному уголовному делу помимо своего прямого назначения будет иметь еще психологический и воспитательный эффект, направленный на предупреждение возможного нарушения буквы и духа уголовно-процессуального закона со стороны отдельных участников разбирательства по делу.

Участие сурдопереводчика в рассмотрении судом уголовных дел с участием лиц с нарушенной функцией слуха по характеру и содержанию деятельности ничем принципиально не отличается от участия в их предварительном расследовании. Единственным исключением, пожалуй, является требование организовать для него специальное рабочее место напротив обвиняемого, оборудованное источником дополнительного освещения и обособленное от места расположения защиты. Еще одним неудобством, с которым будет вынужден смириться суд, является то, что при допросе глухонемого или глухого потерпевшего или свидетеля переводчик-дактилолог будет находиться к нему спиной, или оба эти участника процесса будут стоять к нему боком, что, безусловно, станет нарушением судебной этики, которое, однако, подтвердит незыблемость общего правила.

Завершая рассмотрение вопроса специфики участия сурдопереводчика в процессуальной деятельности, представляется необходимым сформулировать несколько выводов:

Во-первых, организовывать и обеспечивать в рамках судопроизводства сурдолингвистическую коммуникацию имеет право лишь лицо, получившее соответствующее профессиональное образование или прошедшее специальную профессиональную подготовку, что может быть подтверждено дипломом о высшем профессиональном образовании по специальности 050713 «Сурдопедагогика» (квалификация — «учитель-сурдопедагог»), дипломом о среднем профессиональном образовании по специальности 0207 «Организация сурдокоммуникации» (квалификация — «сурдопереводчик (переводчик-дактилолог)»), свидетельством или удостоверением о профессиональной подготовке (переподготовке), выданным государственным образовательным учреждением.

Во-вторых, подбирая кандидатуру сурдопереводчика, судьи и должностные лица правоохранительных органов должны ориентироваться на мнение руководства региональных организаций или отделений Всероссийского общества глухих и их учреждений, а также учитывать сведения главных (региональных) бюро медико-социальной экспертизы, территориальных органов социальной защиты, зачастую содержащих информацию о том, кто именно из переводчиков-дактилологов ранее непосредственно работал с конкретным лицом с нарушенной функцией слуха.

В-третьих, участие сурдопереводчика в осуществлении судопроизводства по делам любой отраслевой принадлежности с участием субъектов, страдающих дисфункцией органов слуха и речи, является абсолютно обязательным, и его присутствие при производстве любого процессуального действия необходимо даже в том случае, когда субъект судопроизводства согласился общаться с судом либо должностными лицами органа исполнительной власти, осуществляющего предварительное расследование или производство об административном правонарушении, в literalной форме, т. е. посредством письменной речи.

И последнее. Поскольку сурдоперевод (впрочем, как и интерлингвистический перевод) представляет собой весьма трудоемкий процесс, требующий концентрации интеллектуальных, эмоциональных и физических усилий переводчика, в порядке совершенствования отечественного уголовно-процессуального законодательства предлагается сократить нормативное время непрерывного продолжения допроса с участием переводчика до

двух часов, для чего изложить ч. 2 ст. 187 УПК РФ в следующей формулировке: «Допрос не может длиться непрерывно более 4 часов, а в случае, если в его производстве участвует переводчик (сурдопереводчик), — более 2 часов».

РОЛЬ ПОЧВ КАК ВАЖНЕЙШЕГО ПРИРОДНОГО ФАКТОРА ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Бринчук М.М.,
профессор кафедры
гражданско-правовых дисциплин МЮИ,
д.ю.н.

Почвенный покров — это оболочка Земли, которая представляет собой уникальную экологическую среду обитания и жизнедеятельности для более 92 % всего известного генетического разнообразия растительного и животного мира на Земле. Через почвенный и растительный покровы как через поверхностную планетарную мембрану идут сложнейшие процессы обмена веществом и энергией между космосом, атмосферой, гидросферой и земной корой, а также всеми живущими на Земле организмами, включая человека.

Почвенный покров формирует состав грунтовых, поверхностных и речных вод.

Ценность почв определяется и тем, что без сохранения почвенного покрова вообще невозможно циклическое воспроизводство жизни на Земле, невозможно сохранение биологического разнообразия растений, животных и микроорганизмов, невозможно устойчивое функционирование земной биосферы, в которой живет и человек.

В последние десятилетия человек стал причиной быстрой деградации почв. Хорошо сложенные почвенные системы формируются долгие годы. Особенно много времени для этого требуется в неблагоприятных климатических условиях, при скудной растительности. Нужны сотни лет для формирования высокобуферных почвенно-генетических химических систем, которые придают почвам способность противостоять колебаниям климата и растительности. Почва на протяжении длительного эволюционного